

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО КАНОНА МЕТАФИЗИКИ ВЛАСТИ И ВРЕМЕНИ

А. Ю. Лустенко

*Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
г. Луганск (Россия)*

Введение. Предпринят анализ процесса формирования идеологии власти и концепции исторического времени в общественной жизни и культуре Древней Руси. Рассматриваются значение византийского культурного, религиозного и административно-властного наследия, а также активная роль автохтонных общественных представлений в процессах осмысления государственной власти. Идеальный, ценностный, смысловой канон социальных представлений о власти, её онтологии, формах осуществления, о времени как о реальности исторического присутствия социума и осуществления в нём упорядочивающих, властных функций имеют в российском обществе долгую историю и разноплановые источники формирования. В данной работе рассматривается их наиболее «ранний» пласт, в лице которого выступают социальные представления, функционировавшие в древнерусском социуме, а также духовное влияние Византии.

Методы. Рассмотрение заявленной темы опирается на историческую феноменологию в качестве реконструкции когнитивного и практического инструментария видения жизненного мира, присущего социокультурному организму, темпорально дистанцированному от нас. В более широком смысле методология историзма вполне научно обоснованно применяется здесь для анализа процесса формирования метафизики власти и времени, комплексной смысловой конструкции, несущей значительную социальную нагрузку. Действующие во временных и смысловых границах социокультурной парадигмы и входящие в межкультурное взаимодействие отдельные конструкции, такие как представления об историческом прошлом, ценности порядка, законности, родовой близости, моральной ответственности, пребывают в состоянии перманентной взаимодетерминации. Это делает актуальным применение в данной теме принципов структурного подхода и рассмотрение структурных элементов социокультурной парадигмы в свете их функциональных задач.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Формирование в русской средневековой социокультуре комплекса представлений, моделей осмысления социального порядка, исторического смысла социальных процессов связывалось с механизмом описания происхождения власти и выполнения её онтологических функций. Вопрос происхождения власти выдвигает действующую в общественном сознании концепцию понимания исторического времени, в частности исторического прошлого, на роль главных активных начал формирования социальной идентичности и представлений о социальном порядке. Трансцендентно-самодержавная и эгалитарно-родовая модели понимания власти сопричастны в культурах древности и средневековья, обладая своими коррелятами в русском социуме. Основой для реализации трансцендентно-самодержавной модели для Руси выступает включение её в византийское социокультурное пространство. Одновременно с этим система ценностей и семантика автохтонной культурной идентичности оказывают трансформирующее воздействие на византийское социокультурное наследие, обуславливая формирование на его базе уникальной синтетической системы функционирования и осмысления социальной действительности.

Заключение. Специфика становления идеократического общества на Руси, которая привела к образованию Московского царства и его идеологии, является результатом уникального синтеза инокультурных и восточнославянских форм упорядоченности общественной жизни. В свою очередь, в отношении принадлежности к определённому типу социальной парадигмы Русь представляет собой синтез идеократии и этократии. В процессе развития централизованного государства, формирования идеологии Московского царства, усиления его внешнеполитической роли идеократические тенденции начинают усиливаться, получая поддержку как в лице православного мировоззрения, так и императивно-транс-индивидуалистической и транс-номократической установок светской администрации.

Ключевые слова: социум, социальный порядок, власть, идеологема власти, теономная мотивация, Византия, василевс, князь, сакральность, род, митрополит Киевский Иларион, С. Аверинцев, В. Кожин.

Введение. В ходе домонгольского периода истории русских княжеств времён татаро-монгольского ига, а также централизации земель вокруг Московского княжества, происходит формирование комплекса представлений, оценок, моделей осмысления происходящих событий, обосновывающих социальный порядок, нравственный, сакральный, исторический смыслы отдельных социальных процессов, жизни различных социальных слоёв и судьбы исторических личностей. Такая система представлений и оценок выполняла и выполняет функцию российского канона метафизики власти и времени. Подвергаясь существенным трансформациям, данный канон сохранил целостность и смысловое единство. В свете этого **целью** исследования выступает анализ процесса формирования системы основных идей, посредством которых понимались, кодифицировались и легитимировались историческая действительность и власть в древнерусском социуме.

Это определяет **задачи**, поставленные в статье:

- 1) раскрыть специфическое содержание идеократической, этократической, номократической социальных парадигм в свете их отношения к цивилизационным целостностям Византии, Древней Руси и Европы;
- 2) определить конкретное содержание, генезис и функции действующих в них концептов власти и исторического времени;
- 3) определить семантические и ценностные структуры осмысления власти и исторического времени, действующие в Византийской цивилизации;
- 4) проанализировать характер трансформации византийского социокультурного инструментария осмысления феномена власти в процессе детерминации им русского средневекового социума;
- 5) осмыслить роль автохтонных начал в процессе ценностно-смыслового синтеза, результатом которого является социальный и культурный канон представлений российского социума о времени и власти.

Осмысление истории русского социума во всем многообразии процессов, составляющих эту историю, одновременно в их преемстве от эпохи к эпохе, в единстве её государственной, нравственной, смысловой, сакральной оси является необходимым условием стабильного существования нашего общества сейчас, равно как и неизбежным залогом его развития завтра. Знание истории всегда вооружает правдой, сообщает ориентиры в жизни, позволяет активно и сознательно переживать своё единство с традициями предков, их целями и усилиями, как и личную ответственность перед потомками. Не зря споры об истории Отечества, попытки перечислить её святые имена знаменовали её поворотные моменты, периоды реформ и приращения её сил. Вспомним Ренессанс древнерусского наследия эпохи Иоанна Васильевича IV, прославившийся, помимо собственноручных сочинений Самодержца, именами митрополита Макария, Ермолая-Еразма, царского духовника Андрея-Афанасия, Ивана Пересветова.

Вспомним внимание к строкам летописных сводов и стремление вчитаться в них в петровский век, казалось бы, порвавший с русским средневековьем, оставивший после себя имена основателей светской российской историографии В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. Вспомним попытку воскресить чувства и поступки русичей в трудах целой плеяды российских учёных XIX века: Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайского, А. Д. Нечволодова. Вспомним, наконец, что советская наука, преодолев провозглашённый в послереволюционной России разрыв с отечественной исторической традицией, её ценностями, идентичностью, смыслами, достойно продолжила исследование её процессов, событий, имён, обогатив эту бессмертную череду именами Ю. Г. Алексеева, Б. Д. Грекова, Л. Н. Гумилёва, А. А. Зимины, М. К. Каргера, Д. С. Лихачёва, Н. И. Павленко, Б. А. Рыбакова, А. Н. Сахарова, Р. Г. Скрынникова и многих других.

Методы исследования. Концепции, раскрывающие бытийственный смысл властвования и оценки прошлого в процессе выражения исторической памяти и рефлексии, формировались на протяжении истории древнерусского общества и государства, поэтому исследование обозначенной темы неизбежно включает в себя методологию историзма. И в то же время действовавшие в социокультурной жизни ценностно-смысловые конструкции определяются в своём темпорально-инвариантном качестве. Это обуславливает применение в работе парадигмального подхода. Парадигмы, играющие активную роль в процессах формирования идеологием времени и власти, имеют культурную либо социальную принадлежность. Иначе говоря, определяясь «через голову» их исторической изменчивости, они выступают, в первом случае как византийская, европейская, древнерусская культурные парадигмы и, во втором – как идеократическая, номократическая, этократическая парадигмы социального порядка.

Данная научная проблема предполагает использование исследовательских принципов структурного подхода как основу для анализа динамически действующих, двусторонних связей между существующими в социуме нормами и принципами, семантическими формами познания социальной действительности и исторической памяти, представлениями о времени, социальном порядке, администрировании и власти. Наконец, адекватное и научно-корректное определение концептов исторического времени и власти, действовавших в средневековом русском социуме и играющих значительную роль для более поздних эпох вплоть до современности, предполагает использование методов исторической феноменологии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представления о сущности социального порядка определялись средневековой социальной и историософской мыслью при помощи механизма описания происхождения власти. Принимая во внимание общую подчинённость религиозности различных измерений средневекового мироотношения, значительное место здесь занимает *теономная мотивация*, то есть попытка рационального понимания того, почему Бог избирает человека к власти.

Историки древности и средневековья воспринимали социум и его историческое существование через призму деяний «великих мужей» – властителей, воителей, свя-

тых. Вопрос о происхождении власти, фокусирующий на вопросе о происхождении властителя, ответ на который должен узаконивать их властные прерогативы, для средневекового социального сознания был тождественен вопросу о генезисе самого исторического субъекта в разных его модификациях (то есть властителя, воина, воинства, иерарха церкви, народа) и той системы идей, порядка, ценностей, которая опосредует реальность его исторического бытия. Это совершенно адекватно применимо к жизни социума и моделям осмысления общественной жизни, которые действовали в Древней Руси. Возводя великокняжескую династию Рюриковичей к Октавиану Августу, никто из летописцев, вероятно, и в мыслях не имел возводить восточнославянские племена к потомкам древних римлян. Возведение рода российских государей к римским цезарям представляет передачу функций в исторической целостности, состоящих прежде всего в ответственности перед Господом за религиозную идентичность, то есть православную веру, и за состояние социума, то есть за безопасную жизнь и процветание подданных.

С помощью перенесения в прошлое конструируется идеальная социально-историческая реальность, которая благодаря этому избавляется прежде всего от сложности, противоречивости и непрогнозируемости насущного социального бытия. В этой воображаемой народом жизни на смену социально-обусловленному характеру организации действительности приходит однозначный, лишённый противоречий, естественный порядок жизни «отцов».

Легенда о демократическом управлении, при котором сами народы выбирали себе руководителями самых мудрых и праведных, была широко распространена ещё в античности. Плутарх и Тит Ливий именно в такой форме представляли себе историческую действительность Рима в первые века его истории. Тацит усматривал природный демократизм в племенном укладе германцев. Помимо воссоздания бесклассовой социальной утопии, а также сублимации ностальгии по ушедшим годам прошлого – то «милого» и «тихого», то «славного» и «героического» – эта легенда отображала представление о «простом», «праведном» происхождении властителя. В социальном плане прародители монаршей династии выводятся из простого, «трудового» сословия: Ромул и Рем были пастухами, летописец Нестор упоминает о слухах, будто Кий был перевозчиком через Днепр [1, с. 32]. Первый верховный властитель выдвигается из общей массы благодаря своей, как бы мы сказали сегодня, более высокой социальной активности.

Параллельно с этой идеологемой в средневековом сознании бытует другая концепция социального порядка. С. С. Аверинцев анализирует её в своей «Поэтике ранневизантийской литературы». Источник существенности власти мыслится в понятиях нахождения «извне» той среды, которую власть упорядочивает и контролирует. В религиозном плане тот, кому принадлежит власть, мыслится как «носитель высшей истины», трансцендентный тому духовному пространству, которым руководит. Он прошёл искусы, «анахорезис», не был захвачен греховностью мира. В социальном плане он не должен быть втянут в практику «неблагородных» видов деятельности, под которыми наиболее часто подразумеваются занятия ремёслами, торговля, лечение. Он должен быть избавлен от необходимостей и забот, связанных с обеспечени-

ем собственного экономического благоденствия. Его власть трансцендентна по происхождению и авторитарна по характеру. В известном смысле он действует как орудие сил, трансцендентных миру. Эта идеологема власти формируется под знаком трёх понятий: теократии, автократии, ксенократии [2, с. 19].

Компонентой средневековой социальной действительности и характера её отображения в сознании различных социальных слоёв является представление о сущности и происхождении власти. Для Древней и Средневековой Руси характерно существование двух вышеописанных моделей ответа на этот вопрос. Наряду с существованием легенды о первичном народоправстве, здесь развивается концепция трансцендентности власти и её предельного источника. Данная идеологема утверждается как следствие двух процессов русской истории *развития централизованного государства*, что включало в себя дифференциацию его функций, усиление внутренней центростремительности и внешнеполитического авторитета, создание корпуса произведений культуры разных жанров, направленных на различные аудитории, обосновывающих идею единой великокняжеской власти и единства русских земель, и *становление русского православия* как главной когнитивно-ценностно-символической среды, определяющей сознание, поведение, жизнь народа.

Существование трансцендентной концепции власти на Руси связано с процессом трансляции византийского культурного опыта. Для Империи ромеев эта концепция функционировала в качестве многомерной конструкции, детерминировавшей весь комплекс социальной действительности этой устоявшейся цивилизационной общности идеократического характера, сохранявшей стабильность при всех дворцовых переворотах, переходах власти василевса между различными династиями и сменах религиозного мировоззрения человека, увенчанного порфирой и обувшего красные сапоги, от верности догматам Отцов Церкви к оголтелому иконоборчеству и наоборот.

Власть в системе отношений, господствовавших в Империи ромеев, носит сугубо личностный, а не родовой характер. Однако это было не культом личности, а культом особенного, единственного во Вселенной, согласно богословскому пониманию отношений Главы единственной христианской империи и Господа, социального статуса. Рассматривая укоренённость принципов и тенденций византийской эстетики в нормах социального, исторического порядка Византии, опирающихся на восточнохристианскую метафизику власти, С. С. Аверинцев писал: «Уже его рождение было введено в круг сакрально-политической обрядности, совершалось «по чину». И здесь достоинство сана важнее, чем достоинство рода. Ромейский император хотел быть вовсе не «природным», а уж скорее сверхприродным государем, который всем обязан таинству своего сана, и сан его мыслится как реальность вполне трансцендентная по отношению к его «природе» и его роду – что в свою очередь связано со склонностью воплощённой в нём государственности осознавать и определять самое себя как трансцендентную по отношению к обществу» [2, с. 18].

Социальная действительность Руси формируется по иной модели укладывания общественных отношений и их оценки. Для русского социума семейно-родовая связь является основой, и это действует в обоих направлени-

ях – и как главный мотив взаимовыручки, солидарности, товарищества, и как основа для размежевания и обострения вражды.

Поучительно рассмотреть в этом плане действия тех Великих князей Киевских, которые впоследствии вошли в историю благодаря своему прогрессивному вкладу в общественное, экономическое и культурное развитие древнерусского государства: Владимира Святославича, Ярослава Владимировича Мудрого и Владимира Всеволодовича Мономаха. Обладая незаурядными сознанием и ответственностью государственного деятеля, пройдя борьбу за великокняжеский престол и убедившись на собственном опыте в пагубности такого пути организации власти в государстве, каждый из них снова повторял практику дробления русской земли на уделы между сыновьями. Это возможно объяснить только тем, что семейно-родовое начало для русской общественной жизни и власти как одного из моментов такой жизни выступает в качестве императива, необходимого для исполнения вопреки любым другим факторам. Князья не совершили никакой «ошибки». Они просто не могли поступить иначе, действуя в границах правил и критериев социальной организации такого типа. Легитимность власти мыслилась как неотрывная от родовой принадлежности, а родовое происхождение не просто давало право на власть, а в определённом смысле работало как механизм, который «включает» необходимость для конкретной личности стать у власти. Только этим можно понять, почему инициаторами раздробленности на Руси становятся личности, наиболее конструктивные в политическом и культурном плане.

В. В. Кожин, определяя Древнюю Русь в качестве особого духовного типа, который формирует определённый характер цивилизационного пути, приводит следующую типизацию: «Византийскую империю вполне уместно определить как *идеократическое* (имея в виду власть православных идей) государство; между тем Западу принадлежит то, что следует обозначить термином «*номократия*» – власть закона (от греч *nomos* – закон); с этой точки зрения азиатское общество уместно обозначить термином «*этократия*» – от греч. *etos* – обычай» [3, с. 51].

Номократическая установка как основа для определённого типа государственности и, соответственно, для типа образования цивилизации, описывается С. С. Аверинцевым как отмеренная дистанция между индивидами на пространстве внеличностного закона: «Сам по себе закон является внеличностным, равнодушным в отношении индивидов, которых он охватывает как нейтральное к телам «ньютоновское» пространство. Индивиды – «падшие», грешные, поэтому их нужно защищать одного от другого; вокруг каждого должна быть зона дистанции, которая образуется вежливостью, а их отношения регулируются договором, строго оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты» [4, с. 98].

Идеократическое государство руководствуется идеями, системой идеально-ценностных требований, то есть в основании её представления о порядке заложен императив следования высшему, трансиндивидуальному смыслу. Социум такого рода руководствуется императивами, как правило, ценностного, морального характера, которые находят поддержку в лице государственной или антигосударственной идеологии. Принципиальным является то, что идеократическое мироотношение не

ограничивает провозглашаемую им систему идеологических стандартов статусом исключительно политической, этической, одним словом, «посюсторонней» целесообразности. Социальный стандарт обладает значимостью и обеспеченностью человеческим духовным ресурсом – общепризнанности, авторитета, императивности – только в контексте системы отношений, осознаваемой и реализуемой, «данной сверху», необходимой и однозначной, поскольку необходимы, однозначны и неизбежны природный миропорядок, ход и цель человеческой истории, Бог и Божья воля, излагаемая и толкуемая Церковью. Как отмечает В. В. Кожин, благодаря этому выражается как необыкновенная сила государства, построенного на основах идеократии, так и его слабость, практически мгновенный распад этого «колосса на деревянных ногах».

Идеократическое государство, аккумулирующее максимальные моральные требования, способы обосновать «земной» миропорядок, опираясь на императивы, которые выдвигает некий неведомый горизонт, провозглашаемый идеологией как единственный, исключительный, тотальный – это всегда, говоря словами В. В. Кожина, «заведомо «рискованная» вещь». «Для её краха достаточно было решительно дискредитировать руководящую идею» [3, с. 63-64].

В основу закладывается идея, ради которой могут быть сняты любые дистанции между индивидами. Ради торжества царства истины, представленного в идеях той или иной доктрины, могут быть допущены какие угодно произвол и несвобода. Ради рождения в человеке духовности «нового образца» могут быть применены способы и смоделированы ситуации, разрывающие привычный характер человеческих взаимоотношений. Ради этого могут быть сняты какие угодно формы вежливости, законности, корректности [4, с. 109]. С. С. Аверинцев приводит это как характерную черту межчеловеческих отношений, которые складываются в обществе восточного цивилизационного типа.

Этократия, общество, построенные на принципе верховной власти обычая, обуславливают отнесение той области, откуда берутся ценности, критерии упорядоченности, оценки общего и индивидуального, в прошлое.

Номократия как система стандартов социальной действительности, которая формируется благодаря утверждению за законом роли высшего гаранта упорядоченности исторической действительности вплоть до охвата всего сущего, является неприемлемой в отношении древнерусского социума и отрицается со стороны двух мировоззренческих доминант.

Во-первых, главенствующая роль закона является недопустимой, исходя из идейных позиций восточного христианства. Текст, который открывает для Руси традицию профессионального философствования и является вдохновлённым христианской верой и догматическими положениями, «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона, откровенно проводит эту мысль: «Како Законъ отиде, Благодать же и Истина всю землю исполни...» [5, с. 22].

Символы «Слова...» вписываются в картину православного мироотношения. Действительной областью должного, эталоном бытийственной упорядоченности, согласно которому надлежит организовываться всему «положительному» в «зем-

ной», исторической реальности, выступают Божья Благодать, Любовь, Истина как целостный, нерасчлняемый процесс, который вбирает в себя, подчиняет себе все человеческие, житейские измерения как определённое экзистенциальное состояние, которое утверждается вопреки необходимости и Закону. «Законъ бо предътеча бе и слуга Благодати и Истине; Истина же и Благодать слуга будущему веку, жизни негленней» [5, с. 22].

Согласно Закону, Византия в сравнении с Русью обладает неизмеримо более значительным авторитетом в деле решения религиозных и государственных вопросов. Однако «земная» мораль, мораль Закона, те отношения, которые регламентируются исключительно критериями, что воздают каждому согласно суровым законам справедливости «око за око, зуб за зуб», благодаря Христовой жертве были отброшены в качестве единого, тотального порядка в бытии.

Во-вторых, номократия отрицается также главенством традиции, которая базируется на родовой санкции взаимоотношений. Закон действует как механизм организации, санкционирования и поддержки порядка, который лишает человека, функционирующего в социуме, её конкретного состояния. Субъект социальной организованности такого типа в идеале предстаёт как лишённый собственного облика носитель прав и обязанностей, вне компетенции которых человек является абсолютно непроницаемым и сугубо абстрактным. Для древнерусской социальной протофилософии, которая понимает род как одну из главных категорий упорядоченности сущего и критериев положительной оценки действий члена социума, активным субъектом в нём выступал человек во всей конкретности своего существования.

Заключение. Социальную действительность Руси правомерно обозначить как синтез, образуемый механизмами идеократии и этократии. Общество формируется в идеократическом направлении по мере проникновения в различные измерения духовно-практической жизни онтологических, политических, этических, эстетических конструкций, выработанных византийской цивилизацией. «Россия, подобно Византии, сложилась как идеократическое государство», – пишет В. В. Кожин и определяет православное мироотношение как основу для характерного всей русской духовности системы идейной оценки действительности: «После своего принятия христианство становится на Руси детерминирующим и всепроникающим стержнем бытия» [3, с. 58].

В Древней Руси идеократия, пришедшая из Византии, встречает автохтонные структуры восприятия и образует с ними уникальный социокультурный синтез. По мере развития в русской культуре и системе общественных отношений символов, ценностей, моделей поведения восточного христианства и православной империи, начала идеократии укрепляются и усложняются в качестве целостной системы государственной идеологии и получают завершённый вид в царствовании Иоанна IV Васильевича. Однако и в его собственном политическом мировоззрении, и в памятниках его эпохи приоритет рода продолжает проявлять устойчивость как самостоятельная и важная категория социального порядка.

Список литературы

1. Изборник: сборник произведений Древней Руси. М.: Художественная литература, 1968. 800 с.
2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. 432 с.
3. Кожинов В. В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. Серия: Актуальная история России. М.: Чарли, 1997. 528 с.
4. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая // Новый мир. 1988. № 9. С. 78–112.
5. Иларион. Слово о Законе и Благодати // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Советская Россия, 1987. С. 16–28.

Авторская справка

ЛУСТЕНКО Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, Россия. E-mail: sotziologii@ya.ru

UDC 130. 2: 32.019.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.34

RUS AND BYZANTIUM: FORMING OF RUSSIAN CANON OF METAPHYSICS ABOUT A POWER AND A TIME

A. Ju. Lustenko

LSU V. Dhal's name – Lugansk state university Vladimir Dhal's name, Lugansk (Russia)

Introduction. There is analyzed the process of forming Ancient-Russ ideology of lordship and historical time in social life and culture of Ancient Rus. There looked through the value of Byzantium cultural, religious and administrative-lordship legacy and the active role of autochthonic public conscious in the processes of reflection of power state. The esteem, value, sense canon of social concepts about the lordship, its ontology, its existence forms, about the time as the reality of historical presence of society and fulfilling the organize functions has a long history and different sources in Russian society. In the article there looked through it's the earliest level: the social regards of Ancient Rus society and the spiritual influence of Byzantium.

Methods. The looking through of the theme bases on the historical phenomenology as the reconstruction of cognitive and practical instruments of living world outlook, belonging to sociocultural organism, temporally distant from us. In the more wide sense, the methodology may scientifically adapted to the analysis to the process of forming the metaphysics of lordship and time, complex philosophic construction of essential social value. Some constructions, functioning in temporal and sense limits of sociocultural paradigm and coming into the cultural interaction, such as the ideas about the historical past, values of the order, law, genetic unity, moral responsibility, exist in the state of permanent mutual determination. Such obstacles cause the actuality of the using concerning this theme the principles of structural method and the analyzing of structural elements of sociocultural paradigm according its functional tasks.

Results. The forming of complex of thoughts about social order and social processes historical sense in Russian medieval sociocultural context is bound with the description mechanism of order genesis and its ontology functions. Question of order genesis pushes the actual social conception of historical time, especially his-

torical past, on the role of main social identity and ideas about social order forming sources. Transcendent-autocratic and egalitaric-genetic models of lordship are present in different ancient and medieval cultures and have the proper correlates in Russian society. The interiorization of Ancient Rus into the space of Byzantium played the role of basis to forming of transcendent-autocratic Russian model. In the same time the autochthonic value system and semantics influenced, transformed upon the Byzantium cultural legacy and determined the formation on the genetic bases the unique synthetic system of functioning and reflection of social reality.

Conclusions. The specific character of development of Ancient-Russ indeocracy society have led to the forming of Moscow Tsardom and its ideology. This Specify is the result of synthesis if outer-cultural influences and orient-Slavic forms of social life ordering. Meanwhile, Rus society developed as the synthesis of ideocracy and ethocracy. In the process of centralized state development, the ideology of Moscow Tsardom forming, its interstate role intensify, the ideocracy tendencies becomes stronger. They have begotten the support of Orthodox outlook and of imperative-trance-individualistic and trance-nomocratic installing of State administration.

Keywords: socium, social order, lordship, ideology of lordship, theonomic motivation, Byzantium, basileus, prince, sacral, genesis; Metropolitan of Kiev Hilarion, S. Averintsev, V. Kozhinov.

References

1. *Izbornik*. Collection of Ancient Rus texts. Moskow, Hudozhestvennaya literatura [Art literature], 1968. 800 p. (In Russian).
2. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literaturi* [The early Byzantium literature]. Moscow, CODA, 1997. 432 p. (In Russian).
3. Kozhinov V. V. *Istoraiya Rossii i russkogo Slova. Sovremenniy vzgljad* [History of Russia and Russian Word]. Serial «Actual history of Russia». Moskow, CHARLY, 1997. 528 p. (In Russian).
4. Averintsev S. S. *Vizantija i Rus': dva tipa duhovnjsti* [Byzantium and Rus: two types of spirituality]. Article Two. *Noviy mir* [New World]. 1988. No. 9. Pp. 78–112. (In Russian).
5. Hilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati* [Sermon on Law and Grace]. *Krasnorechije Drevnej Rusi [XI–XVII vv.]* [Eloquence of Ancient Rus [XI–XVII c.]]. Moscow, Sovetskaya Rossija [Soviet Russia], 1987. Pp. 16–28. (In Russian).

Author's Bio.

LUSTENKO Andrey Yurievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Technologies FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University», Lugansk, Russia.
E-mail: sotziologii@ya.ru

Библиографическая ссылка

Лустенко А. Ю. Русь и Византия: формирование российского канона метафизики власти и времени // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 34–43. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.34